

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sxygq>

Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц

Дубаков Леонид Викторович

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, Шэньчжэнь

eLibrary Author SPIN: 8955-5605

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Scopus Author ID: 58250401700

dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация: В рамках исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, анализируются поэтические и прозаические произведения Е. А. Шварц, в которых обнаруживаются буддийские идеи, мотивы, образы, определяются особенности и функции их творческого освоения. В своем художественном мире поэт создает жизнеспособную экуменическую утопию, существующую благодаря мистической широте и глубине героев ее произведений, благодаря особому пространству, внутри которого они пребывают: его территориальное и культурное сужение вынуждает их договариваться. Буддизм среди христианства, иудаизма и ислама в творчестве Елены Шварц представляет собой альтернативный, иной и одновременно сущностно схожий с авраамическими религиями вариант обретения трансцендентного. Его существование в петербургском или, шире, российском духовном пространстве воспринимается героями как тайна и вместе с тем как божественная данность, за которой стоит безразличие к вероучительной и сотериологической разнице религий на фоне возможного проявления сострадания. Буддизм в шварцевском творчестве стилистически русифицируется, христианизируется, равно как и, напротив, он оказывается способен к буддификации окружающей реальности. В творчестве Елены Шварц буддийские идеи, мотивы и образы соседствуют с христианскими, создавая органическое духовное единство. Также выявлен параллельный авраамическим религиям буддийский сюжет духовного преображения героев шварцевских произведений, проходящих путь от явления им Будды до буддийского просветления.

Ключевые слова: Елена Шварц, буддизм, экуменизм, мистицизм, буддификация, русификация, трансцендентное

Цитирование: Дубаков Л. В. Буддийский взгляд на трансцендентное в творчестве Елены Шварц. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 618–628. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628>

Поступила в редакцию 01.04.2024. Принята после рецензирования 02.05.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen

eLibrary Author SPIN: 8955-5605

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Scopus Author ID: 58250401700

dubakov_leonid@mail.ru

Abstract: This article is part of a study of the Buddhist text in modern Russian literature. It focuses on Elena A. Schwartz, who developed some Buddhist ideas, motives, and images in her poetry and prose. Her artistic world is a viable ecumenical utopia that exists due to the mysticism of personages and environment. This chronotope gets narrower and narrower in a territorial and cultural sense, thus forcing the personages to adapt. Buddhism in Christian, Judaic,

or Islamic environment is an alternative to conventional Buddhism: it is essentially similar to the Abrahamic religions as a way to fathom the Transcendent. Buddhism in Russia in general and in St. Petersburg in particular is a mystery and a divine gift, tolerant to the doctrinal and soteriological difference of religions in the face of compassion. Schwartz's Buddhism is stylistically Russified and Christianized, which does not prevent it from the Buddhification of reality. Buddhist ideas, motifs, and images coexist with Christian ones in an organic spiritual unity. The Buddhist plot of spiritual transformation goes parallel to that of Abrahamic religions as Schwartz's characters ascend from their meeting with Buddha to obtaining Buddhist enlightenment.

Keywords: Elena Schwartz, Buddhism, ecumenism, mysticism, Buddhification, Russification, transcendence

Citation: Dubakov L. V. Buddhist View of the Transcendent in Elena Schwartz's Poetry and Prose. *SibScript*, 2024, 26(4): 618–628. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-618-628>

Received 1 Apr 2024. Accepted after peer review 2 May 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Творчество Елены Шварц – сложное образование, наполненное многочисленными, часто неожиданно сплетенными отсылками к различным культурным, литературным, художественным, религиозным, мистическим, эзотерическим и иным традициям, к их «начальным основаниям» [Марков 2020: 52]. Это отмечали В. И. Шубинский [Шубинский 2001], К. В. Воронцова [Воронцова 2016], А. Шмитт [Шмитт 2019], И. С. Скоропанова [Скоропанова 2022] и другие исследователи. Во многих работах, в которых анализируется специфика художественного мира Елены Шварц, появляется слово *экуменизм*. Валерий Шубинский шварцевский экуменизм считает утопией, однако эта утопия оказывается у нее все же возможной и органичной за счет того, что можно назвать, например, «поэтической алхимией» [Дубаков 2008], и благодаря тонкому балансу между философской серьезностью и иронической «кукольностью» [Шубинский 2001]. Елена Шварц о своей героине устами вымышленного издателя «Трудов и дней Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» говорит, что той были свойственны *органический экуменизм, а также неортодоксальность, сочетающаяся с глубокой верой*¹. Эти слова могут быть применимы и к позиции автора.

Интересно, что определение *органический* (не *органичный*) заставляет подумать не только о естественности этого экуменизма, но и о других значениях слова. Так, монахиня Лавиния принадлежит к ордену Обрезания Сердца, и в поэме часто проявляются мотивы сердечного исповедания и преображаемой телесности. То есть экуменизм героини –

это то, что связано с физической и духовной работой органов тела. *Органический* означает также принадлежность к животному и растительному миру, и действительно, Лавиния по сюжету поэмы находится в духовной связи с этими царствами (ее учитель – Ангел-Волк, становящийся Ангелом-Львом). Наконец, слово *органический* вызывает в сознании образ органа – сложного, большого инструмента, способного создать музыкальный, религиозный космос (порядок) в отдельно взятом пространстве – к примеру, монастыря или коммунальной квартиры.

Экуменическая утопия экуменический проект Елены Шварц имеет несколько способов реализации. Например, в статье «Варианты религиозного примирения в поэмах Е. Шварц» А. А. Дубакова, анализируя «Прерывистую повесть о коммунальной квартире» и «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца», пишет следующее: у поэтессы «Решения, которые способствуют формированию и принятию экуменического взгляда на мир, связаны <...> с насыщенностью культурного пространства ["поликультурный" и "текстовый" экуменизм], а также – с сопоставлениями микрокосма (человеческого мира) с макрокосмом (миром Вселенной) и с "микро-микрокосмом" (миром природы) ["космический" и "растительный" экуменизм]» [Дубакова 2009: 120]. Органический экуменизм автора и ее героев рождается естественным образом – не только «в ограниченных топосах» [Там же] монастыря и коммунальной квартиры, но и в более широком, но тем не менее ограниченном пространстве города: «петербургская коммуналка – метафора, модель Земли,

¹ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца. In: Шварц Е. А. Лоция ночи: Книга поэм. СПб.: Сов. писатель, 1993. С. 68–140. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-8.html> (дата обращения: 01.02.2024).

где сосуществуют в "полилоге" христианин, иудей, мусульманин и буддист, и это не книжный экуменизм, а реальность, жгучая современность» [Анпилов 1999: 363]; Россия у Е. А. Шварц (чье творчество связано с «мистически-эзотерическими воззрениями, которые зиждутся на своеобразном религиозном синкретизме и эклектизме» [Шмитт 2020: 107]) в образе города Петербурга «выступает как географическое пространство, назначением которого является примирение и синтез различных религиозных и культурных течений человечества» [Шмитт 2019: 104].

В представленной статье решается частная задача – описать и охарактеризовать особенности и функции образа буддизма как одной из религий в экуменическом проекте поэзии Елены Шварц. Однако решение этой задачи вписывается в рамки большого исследования, посвященного изучению буддийского текста современной русской литературы [Бернюкевич 2018; Уланов 2006].

Отечественное литературоведение, отталкиваясь от работ В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Н. П. Анциферова о петербургском тексте [Анциферов 2014; Лотман 1998; Лотман, Успенский 1982; Топоров 1995], осуществило перенос структурно-семиотического подхода в географическую и урбанистическую [Богумил 2017; Люсый 2016; Манн 1998; Меднис 1999; Тюпа 2002], а в недавнее время и в религиозную сферу [Алексеев 2014], в частности, заговорили о буддийском тексте русской литературы. Так, Р. Ф. Бекметов видит буддийский текст частью ориентального дискурса в истории русской литературы позапрошлого века [Бекметов 2018].

Результаты

В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» (1996) Елена Шварц уже в предисловии «Гишпанский Петербург» задает ракурс рассмотрения своей *имагинативной* поэмы: в вымышленном городе Петербурге, как в средневековой Испании, живут как соседи вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм, одоляясь друг

у друга в случае нужды². Петербург – это коммунальная квартира, и этим соседям в ней просто некуда друг от друга деться.

При этом религии – как буквы разной крови, что Кружатся, не смыкаясь в Слово³. Земные тела и буквы, сведенные в единый образ, малосильны, они не могут охватить божественную реальность целиком и тем равны. Православие, ислам, иудаизм в коммунальной квартире Петербурга – это Три светильника, горящих на Восток⁴ (позже появится четвертый «светильник», горящий не только на Восток, но и на самом дальнем Востоке – буддизм). Их тесное соседство, сцепка и даже, возможно, их избыток – тайна для поэта, но таково решение Провидения для сумеречного града и обманчивого мира. Другое сравнение – религии как стебли:

Каждый прошел, возрос
В кружащийся над головой цветок,
И это Бог⁵ –

напоминает о «Розе мира» Д. Л. Андреева: «Если старые религии – лепестки, то Роза Мира – цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков»⁶. О «Розе мира» напоминают и следующие строки: ангелы убитых раввина, суфия и православного святого:

В сиянье унесли
Страны небесной.
В одно сиянье – В разные углы⁷.

Так выглядит андреевское иномирие: над каждой значимой мировой культурой надстоят затомисы – небесные страны, куда поднимаются после смерти герои, гении и праведники, страны, разные по своей мощи и специфике, но единые в своем благословенном делании. Над некоторыми городами также есть их духовные двойники, например Небесный Петербург (о котором Е. Шварц вспомнит в стихотворении «Освобождение Лисы»⁸ [Дубаков, Го 2022: 91]).

Мир коммунальной квартиры гишпанского Петербурга в другом повороте сюжета поэмы это алхимическая реторта, в которой по воле героини

² Шварц Е. А. Западно-восточный ветер: Новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 96 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Редакция журнала «Уrania», 1998. С. 27.

⁷ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

⁸ Шварц Е. Трость скорописца: Книга новых стихотворений. СПб.: Пушкинский фонд, 2004. 104 с. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html (дата обращения: 01.02.2024).

*Три крошечных танцуют тени:
Раввин, и суфий, и святой*⁹.

Но одновременно и она сама живет в этой коммунальной квартире, в соседней комнате. Таким образом, алхимический опыт производит не только героиня поэмы, но и Бог как создатель мира: Бог творит кукол, по определению В. И. Шубинского, которые сами творят кукол, которые в свою очередь тоже творят кукол: героиня, созданная Богом, создает Давида, который создает Голема, – и в этом творении, в творчестве все возможно.

Появление (явление) Будды в тесном мире коммунальной квартиры, который обращает глаза *В* *свой покой, в свою густую тьму*¹⁰, вызывает сочувственную реакцию у ее обитателей, а иудей Давид в сострадании Веры (веры) провидит близость Шехины, божественной реальности. Само имя *Вера* дает возможность прочесть его не только как имя героини поэмы, но и как воплощенную реальность религиозной веры. Неслучайно, когда *Раввин, и суфий, и святой* на похоронах Веры, стоя как *три свечи*¹¹ и ставшие частью погребального обряда, будут убиты, последует фраза, характеризующая силу их религиозного горения: *Так с Верой и в земле не разлучились*¹². Мальчик Будда остается в квартире один, он, *Окаменев, достиг Нирваны*, и за ним

*Тогда спустился Иисус,
И, маленького Будду взяв,
Унес на небо легкий груз*¹³.

Итак, буддизм в «Прерывистой повести о коммунальной квартире», в мире *гишпанского Петербурга*, оказывается кем-то вроде неожиданного найденыша, однако в финале из трагически разрешившегося тесного соседства и из апокалипсически рушащегося, поглощающегося *минус-светом* пространства коммунальной квартиры его, этого найденыша, забирает на небо Сам Иисус. Соседство трех религий

в *гишпанском Петербурге* поэмы – тайна и творческий произвол Провидения, тем большая тайна – появление буддизма, Будды, но и это появление оказывается, по мнению автора, санкционировано Богом, у Которого на небе есть *разные углы*. Елена Шварц в поэме снимает вопрос о вероучительной и сотериологической разнице религий, оставляя его на усмотрение Высшей силы, но на первый план выводя их сходство в сострадании всему живому.

В поэме «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» (1984) *органический экуменизм*¹⁴ героини и автора сводит вместе на служение Богу, помимо монахинь, связанных одновременно с православной и католической традицией, лам, будд и даже бесов¹⁵ (последнее звучит очень громко, но единственный бес этой поэмы – крещеный черт Теофил). Это книга о монахине, *живущей в многоверном монастыре, одновременно православном, католическом и буддийском*¹⁶. Этот монастырь находится вне конкретного пространства и конкретного времени, он пребывает в месте-времени постоянного духовного поиска.

Как и в «Семи ликах буддийского храма», и в «Буддийском храме» (и в коммунальной квартире «Прерывистой повести»), у Елены Шварц в поэме *Храм – тем больше храм, чем меньше храм он*¹⁷. В третьей главе умаление человеческого позволяет духу жить более интенсивно и не обращать внимания на земные различия религий: разрушающиеся

*Пагода, собор или костел –
Это звездный, это – Божий дом*

(так же как и храмом тела человека после его разрушения

*Завладеют <...> ветер, небо,
Тишины неукротимый вой*¹⁸).

Религии (и их исповедующие) оказываются близки друг другу после физического разрушения форм и границ.

⁹ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шварц Е. А. Три особенности моих стихов. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 82–86. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-6.html> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁷ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

¹⁸ Там же.

Четвертая глава поэмы начинается со строки *Жизнь семерична, восьмерична, гнута...*, и ее можно прочесть как отсылку к разным способам символически кодировать реальность¹⁹. Христианство одним из сакральных чисел считает семь, буддизм – восемь. Неслучайно далее в стихотворении появляется образ Будды, что растворяется в пространстве и обнаруживает Себя во всех объектах – в рыбах и рыбаках, которые пришли их ловить, во льду над рыбами и под рыбаками (*в этих ты и в тех*²⁰). То же – в главе 69 *Прости, Господь, – Ты был Фазан...*, в которой

*Фазан, охотник и стрела
Стремительно меняются местами*²¹.

В этом стихотворении опровергается иллюзия субъектно-объектной дихотомии [Торчинов 2002b: 142]: после осознания неразделенности реальности героиня стихотворения видит, что

*Исчезнет все под небесами,
И сами небеса, и сами*²².

Сцена рыбалки в 4 главе, конечно, может быть прочитана и как духовная ловитва *ловцами человека* тех, кто спит, кто не открыл для себя Бога. Интересно, что и *ловцы человека* – тени, их природа перед Богом не безусловна (то же – в структуре персонажей «Прерывистой повести»). Лавинии явился *надрывный Будда*, но, кажется, она могла здесь использовать и слово *Бог*, и при этом по сути ничего бы не изменилось. Тем более определение *надрывный* в большей степени вызывает мысль о христианстве, чем о буддизме с его установкой на успокоение страстей. Вероятно, ее видение именно Будды связано в этом стихотворении с восприятием мира как иллюзии, которую рождают лунный свет, туман, лед, а такое восприятие свойственно больше буддизму. Подобное «мерцание», возможную взаимозамену образов христианского Бога и Будды А. А. Романов обнаруживает в стихотворении «Сонаты темноты»²³: «Внутренний Будда, возможно, в метафорическом смысле означает душу, которой чуждо все материальное» [Романов 2020: 220].

Глава 25 «Перед праздником», как в «Семи ликах буддийского храма», соединяет разные культурно-религиозные традиции. Христианство в его русском изводе проявляется в стилистической стороне стихотворения: монахини ведут на пастбище *буренушек*, из строки в строку переходят фольклорные повторы и инверсии. Схожая ситуация – в главе 75 «Сатори», где описывается состояние дзэнского просветления [Андросов 2001; Сидоров 2005; Стрелков и др. 2006; Торчинов 2000]. Начальный ритм этой главы стилизован под ритм восточной поэзии с ее парцелированным указанием на отдельные объекты и состояния. Кроме того, как и в ряде других глав «Трудов и дней», буддийское мировидение совмещается здесь с христианскими мотивами. Буддийское переживание опыта, во время которого человек постигает свою истинную природу, соседствует с образом собора, что *процвел – глазами, крыльями*, вызывающего ассоциацию с явлением многоочитых и многокрылых херувимов.

Буддизм упоминается в главе 25 «Перед праздником» прямо: *Вся наша сторона буддийская!*, сестры *моют будд водою чистою*, Лавиния крутит, сидя на заборе, *молитвенную мельницу*²⁴. Кстати, похожий прием вписывания одной традиции в другую через язык позже использует Э. В. Лимонов в стихотворении «Путница», которое «выглядит как палимпсест: как будто текст, посвященный православной паломнице, переписан под образ девушки-буддистки» [Дубаков 2022: 121]. В результате и у Е. Шварц, и у Э. Лимонова различия между христианством и буддизмом оказываются лишь стилистическими.

Отчасти схоже построена и глава 28 «Вижу – святой отшельник...», в которой левитирует то ли святой христианской традиции (например, Иосиф Купертинский), то ли буддийской (например, Миларепа Шепа Дордже). Как и в главе «Перед праздником», в тексте присутствует скрытый внутренний контраст – между делателями и созерцателями (как между евангельскими Марфой и Марией). Лавиния в главе 25 подчеркивает, что она

*...бездельная
И больше ни на что не годная*²⁵,

¹⁹ О числовой символике у Е. Шварц см. статью Д. А. Захаровой [Захарова 2022].

²⁰ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Шварц Е. А. Стихи. Л.: Ассоциация «Новая литература», 1990. С. 26.

²⁴ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²⁵ Там же.

но она единственная, кто смотрит не вниз, на землю, а наверх, на небо. В начале стихотворения она крутит молитвенную мельницу, в конце – вертит ее. В ее поведении есть высокое устремление и, возможно, одновременно настроение веселой, самоироничной игры (*кручу-верчу*), снимающей излишнюю серьезность. Н. А. Бердяев так писал о смехе: «В стихии смеха может быть преодоление противоречий бытия и подъем ввысь. Смех целомудренно прикрывает интимное, священное. Смех может быть самодисциплиной духа, его бронированием»²⁶.

Святой отшельник из 28 главы, как и Лавиния, провидит смешную сторону реальности – веселый пригорок:

*Клевер – смешок земли, –
Клевер – ее «хи-хи»,
Белая кашка – «ха-ха»,
Отшельник парит над ними,
Забывши и званье греха»²⁷.*

И, как и в главе 4 «Жизнь семерична, восьмерична, гнута...», вопрос о местонахождении Будды актуализирует буддийскую идею о присутствии будды в каждом живом существе:

*Быть может, Будда – ты?
Быть может – я?»²⁸*

(в том смысле, например, что, согласно теории Татхагатагарбхи, «каждое живое существо потенциально наделено природой Буддой, потенциально является Буддой» [Торчинов 2002b: 185]). Отдельно можно обратить внимание на две последние строки главы 28:

*Быть может – я в его ладони
Щепотка разварного риса?»²⁹,*

в которых местоимение я, хоть и не взятое в кавычки, читается как обозначение личности. Таким образом, представленные строки могут содержать буддийскую идею анатмавады: буддизм отрицает существование атмана – индивидуального субстанционального

простого я, или души; буддизм рассматривает «личность (пудгала) как имя для обозначения структурно упорядоченного соединения групп элементов (дхарм)» [Торчинов 2002a: 17]. Образ разварного риса выглядит как иллюстрация к этой идее, согласно которой личность есть условная преемственность схожих, сменяющих друг друга страдающих иллюзорных форм. Схожая метафора, основанная на иллюзии разделенности единого объекта, – в главе 54 «За работой»:

*Что такое «я»? Фонтан
В океане. Бульк – и сгинул...»³⁰*

Глава 40 «Я вчера псалмы читала ночью...» также отсылает к теории Татхагатагарбхи: *Ты же Будда! Ты же мог быть Буддой!*³¹ – к обеим ее истолкованиям: «Если первая интерпретация теории гарбхи утверждала, что все существа могут стать Буддами, то вторая провозглашала, что все живые существа уже есть Будды, и им надо только реализовать свою потенциальную "буддовость"» [Торчинов 2002b: 186]. Елена Шварц обращается к жанру русского похоронного причитания, но трансформирует его: по покойнику плачет не другой живой человек, но его душа; душа мыслит не в христианских категориях, но в буддийских. Одновременно это стихотворение напоминает о «Разговоре души и тела» Ф. Вийона, но тело покойного в шварцевском тексте молчит: ему нечего сказать на справедливые упреки души, героиня стихотворения лишь трижды отмечает, что *покойник супился печально*³².

В главе 72 «В трапезной» Лавиния приуговливается к собственному уходу из жизни. Вслед за описанием некоторых своих прошлых рождений она категорически заявляет о нежелании вновь появляться на свет, потому что *Сотлела нить на бусах Кармы*³³. Лирический сюжет «В трапезной» содержит мотивы, отсылающие к Тайной Вечери: героиня крошит хлеб, вспоминает, как текла ее кровь (образ крови поддержан красной тенью от морса и красной скатертью). Одновременно в стихотворении присутствует отсылка к буддийской идее кармы – закона

²⁶ Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. V. [Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев]. Париж: YMCA-Press, 1997. 578 с. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Алексей_Степанович_Хомяков_\(Бердяев\)#3](https://ru.wikisource.org/wiki/Алексей_Степанович_Хомяков_(Бердяев)#3) (дата обращения: 01.02.2024).

²⁷ Шварц Е. А. Труды и дни Лавинии...

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

причины и следствий: существование, идущее по кругу (образ нити, на которой висят бусины многих жизней), прекращается то ли в результате тления – медленного перегорания жажды бытия, то ли из-за воздействия некоей внешней силы: в начале текста героиня слышит зловещий звук *чик-чик*, который издает скворец, но который заставляет вспомнить о парках – богинях судьбы с нитью и ножницами (имя последней из них – Морти – может быть зашифровано в морсе, отбрасывающем темно-красную тень на скатерть).

«Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» – поэма, в которой, как и в «Прерывистой повести о коммунальной квартире», спокойно уживаются разные культурно-религиозные традиции. В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» их воплощали четыре персонажа, в «Трудах и днях Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» они сходятся в голове и в сердце одной героини – монахини Лавинии. Ее духовный опыт позволяет ей вмещать идеи разных религий – в данном случае, прежде всего, христианства и буддизма. Существование на краю жизни, в виду смерти позволяет забыть о религиозных различиях. Буддийские идеи и образы, приметы буддийской жизни Елена Шварц соединяет с христианскими идеями, образами и приметами. Буддизм русифицируется и христианизруется поэтом через жанр и стиль, отсылающие к народной христианской традиции, или, напротив, они в конкретных главах поэмы буддифицируются.

В «крошечном эссе» «Яма» из сборника «Определение в дурную погоду» Е. Шварц пишет, что *в гневе и вдохновении* кажется себе *Ямой, как на тибетских иконах*³⁴, и что, когда в нее входит Яма, она становится пространством («"русское" прочтение: "яма" – это провал, вход (в самом имени бога русским языком отпечатывается эта яма-преисподняя), но и отсылка к действию – падению-полету, как в мучительном сновидении» [Дарк 2004: 208]). То, что христианскому сознанию могло бы показаться одержанием, для экуменически и мистически настроенного поэта – вариант инспирации, отменяющей все границы.

То же – в рассказе «Габала», где героиня помышляет о своей избранности, а о своем черепе, черепе поэта и мистика, – как о буддийской реликвии³⁵. Перед вдохновением и творчеством поэту равно неинтересны, пресны *Парадиз и нирвана*³⁶ (стихотворение «Мед под Казанским собором» (2006)); они равно отвергаются, но в этом равном отвержении – их близость.

Отмена пространственно-временных границ присутствует и в отдельных стихотворениях «Западно-восточного ветра». «Времяпровождение #2 (в Стрельне)» (1996) соединяет два пространственно-временных пласта. Читая о путешествиях француженки Александры Давид-Неель в Тибет в начале XX в., героиня настраивается на чудо, вспоминая о событиях, которые были на слуху в середине 1990-х гг.: так, в 1995 г. в Нью-Дели статуя Ганеши попросила молока; в 1996 г. в Вифлееме, в церкви Рождества Христова, начал плакать образ Спасителя; в этом же году умерла знаменитая предсказательница Вангелия Пандева Гуштерова, или Ванга. Мир вокруг также поет о чуде и о жизни: героиня слушает радио «Орфей», а в траве слышится инсектоморфный Орфей – кузнечик:

...тенор из травы и праха
Поет так жадно: «Вита миа!»³⁷.

Как когда-то Давид-Неель *брела среди снежных гор* – через ледяную пустыню, так героиня стихотворения бредет в *пустое море* возле Петербурга, т. е. к Маркизовой луже. И далее происходит чудо:

плавно колесо Сансары
Остановилось наконец...
И юный старец в Гималаях
Наводит зеркальце³⁸

в ум героини. Это зеркальце – мелонг, символ изначального состояния человеческого ума, которое способно обнаруживать иллюзорность объектов. Исчезновение границ между временами и пространствами происходит из-за установившейся таинственной связи между сознаниями – ламы и героини «Времяпровождения #2 (в Стрельне)». При этом Елена Шварц сохраняет возможность иронического прочтения: оксюморон *юный старец* содержит

³⁴ Шварц Е. А. Определение в дурную погоду. Крошечные эссе. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 48–66. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-3.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³⁵ Шварц Е. А. Габала. In: Шварц Е. А. *Определение в дурную погоду*. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 114–118. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-9.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³⁶ Шварц Е. А. Вино седьмого года: Книга новых стихотворений. СПб.: Пушкинский фонд, 2007. С. 7.

³⁷ Шварц Е. А. Западно-восточный ветер...

³⁸ Там же.

в себе не только намека на мудрость этого насельника Гималаев, но и указывает на оставшиеся в нем проявления детского характера: возможно, он наводит зеркальце, чтобы просто создать пятно света, или солнечного зайчика, и тем самым пошутить над читательницей давид-неелевских «Мистиков и магов Тибета».

Сближение разных миров происходит также в стихотворении «Подарок» (1996). На хадаке, ритуальном тибетском шарфе, подаренном героине этого произведения, изображен небесный пейзаж Страны снегов. Свет этого пейзажа, усиленного люстрой, на которую его повесила героиня, развеял *тьму лазарета*³⁹, привнес в нее северные горы, снег, пруд, прохладу. Важно, что подарок был доставлен ей во время Рождества. Таким образом, буддийские божества этого хадака оказались внутренне созвучны состоянию и настроению героини: они напоминают ей о смерти, о боли и о всеблагих – о Рождестве и о Воскресении из *тьмы лазарета*.

Заключение

Елена Шварц – поэт экуменической ориентации. Она создает утопию религиозного сближения, примирения в своих произведениях, но эта утопия оказывается вполне жизнеспособной. Эту жизнеспособность обеспечивают герои ее поэзии и прозы, их особый духовный опыт, герои, для которых, часто на грани их смерти, границы между религиями перестают быть важными, а также место, где происходит действие, обычно локализовано, а потому людям разных убеждений в нем приходится договариваться.

Помимо христианства, ислама и иудаизма, в произведениях Елены Шварц значимую роль играет буддизм. В «Прерывистой повести о коммунальной квартире» появление буддизма представляется тайной, но персонажи поэмы принимают эту тайну как данность, как веление божественного промысла

и отставляют в сторону вопросы о вероучительной и сотериологической разнице своих религий, религий Книги и буддизма. В «Трудах и днях Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» главная героиня, мистик, вмещает в своем сознании многие религиозные традиции – в особенности христианскую и буддийскую. Буддийские идеи и образы в главах этой поэмы соседствуют с христианскими, создавая единое, органическое духовное пространство. Буддизм в поэме оказывается религией, снимающей границы – между душой и телом, человеком и Богом, разными жизнями. «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца» рассказывают историю духовного преображения героини *от Рождества до Пасхи*, но имеют и параллельный буддийский сюжет – от явления героине Будды до ее сатори, просветления.

Границы между религиями снимаются в творчестве Елены Шварц посредством широкого и глубокого сознания героев ее произведений, они способны вместить в себя многое, преодолеть границы между пространствами и временами, живым и мертвым, божественным и человеческим. Буддизм в ее творчестве предлагает другой, нежели привычный христианский, иудейский или мусульманский, т. е. авраамический, взгляд на трансцендентное, на понимание бога и реальности, на понимание специфики духовного спасения, однако этот другой взгляд оказывается у нее возможным и одновременно близким, мистически схожим с вышеуказанными.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексеев П. В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 188 с. [Alekseev P. V. *Muslim East in the literature of Russian Romanticism of the 1820s–1830s*. Gorno-Altai: GASU, 2014. 188. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykvaqo>
- Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М.: Вост. лит., 2001. 508 с. [Androsov V. P. *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts*. Moscow: Vost. lit., 2001, 508. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ruuycb>

³⁹ Там же.

- Анпилов А. Д. Светло-яростная точка: [О стихах Е. Шварц]. *Новое литературное обозрение*. 1999. № 35. С. 362–372. [Anpilov A. D. Light-furious point: [About the poems by E. Schwartz]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1999, (35): 362–372. (In Russ.)]
- Анциферов Н. П. Душа Петербурга. М.: Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. 400 с. [Antsiferov N. P. *The Soul of St. Petersburg*. Moscow: Bertelsmann Media Moscow (BMM), 2014, 400. (In Russ.)]
- Балашова А. А. «Ты мёду музыки лизнул, но весь ты в тине, все тот же грязи ты комок и смерти косточка в тебе посередине»: смерть в поэзии Елены Шварц 1970–1980-х гг. *Новые российские гуманитарные исследования*. 2020. № 15. [Balashova A. A. "You licked the honey of music, but you're all in mud, you're still a handful of dirt, and death is the bone in your core": Death in Elena Schwartz's poetry in the 1970s–1980s. *Novye rossiiskie humanitarnye issledovaniia*, 2020, (15). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lwssau>
- Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с. [Bekmetov R. F. *Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)*. Kazan: Shkola, 2018, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xurmqx>
- Бернюкевич Т. В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с. [Bernyukevich T. V. *Buddhism in Russian literature of the late XIX – early XX century: Ideas and reminiscences*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, 168. (In Russ.)]
- Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий. *Филология и человек*. 2017. № 4. С. 155–164. [Bogumil T. A. Defining the Altai text and Altai literature. *Filologiya i chelovek*, 2017, (4): 155–164. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zwutmb>
- Воронцова К. В. Пространство, время, андрогин... Модели пространства в поэзии Елены Шварц. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. 164 с. [Vorontsova K. V. *Space, time, and androgynous... Models of space in Elena Schwartz's poetry*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016, 164. (In Russ.)]
- Дарк О. И. Волна и пламень. О прозе Елены Шварц. *Знамя*. 2004. № 8. С. 206–211. [Dark O. I. Wave and flame. Elena Schwartz's prose. *Znamia*, 2004, (8): 206–211. (In Russ.)]
- Дубаков Л. В. Буддийская экзотика в творчестве Э. В. Лимонова: философская и эстетическая критика. *Вестник Костромского государственного университета*. 2022. Т. 28. № 1. С. 118–122. [Dubakov L. V. Buddhist exoticism in the works of Eduard Limonov: Philosophical and aesthetic criticism. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, 28(1): 118–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-118-122>
- Дубаков Л. В. Мотивы алхимического превращения в поэзии Е. Шварц. *Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языков*: Межвуз. науч.-практ. конф. (Елабуга, 22–23 ноября 2007 г.) Елабуга: Елабужский гос. пед. ун-т, 2008. С. 198–201. [Dubakov L. V. Motives of alchemical transformation in the poetry by E. Schwartz. *Relevant issues of modern philology and methods of teaching languages*: Proc. Interuniv. Sci.-Prac. Conf., Elabuga, 22–23 Nov 2007. Elabuga: Elabuga State Pedagogical University, 2008, 198–201. (In Russ.)]
- Дубаков Л. В., Го В. Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц. *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 3. С. 81–94. [Dubakov L. V., Guo W. The cultural image of the were-fox in Elena Schwartz' poetry. *World of Russian-speaking countries*, 2022, (3): 81–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>
- Дубакова А. А. Варианты религиозного примирения в поэмах Е. Шварц. *Культура. Литература. Язык*: конф. «Чтения Ушинского». (Ярославль, 1 января – 31 декабря 2009 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2009. С. 118–120. [Dubakova A. A. Variants of religious reconciliation in the poems by E. Schwartz. *Culture. Literature. Language*: Proc. Conf. "Ushinsky Readings", Yaroslavl, 1 Jan – 31 Dec 2009. Yaroslavl: YSPU, 2009, 118–120. (In Russ.)]
- Захарова Д. А. Символика числа четыре в цикле Елены Шварц «Элегии на стороны света». *Littera terra*: X Междунар. конф. молодых ученых. (Екатеринбург, 3 декабря 2021 г.) Екатеринбург, 2022. Вып. 16. Ч. 1. С. 41–46. [Zakharova D. A. The symbolism of the number four in Elena Schwartz's cycle "Elegies to the Cardinal directions". *Littera terra*: Proc. X Intern. Conf. of Young Scientists, Ekaterinburg, 3 Dec 2021. Ekaterinburg, 2022, iss. 16, pt. 1, 41–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogoftc>
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. In: Лотман Ю. М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 14–285. [Lotman Yu. M. The structure of a literary text. In: Lotman Yu. M. *About art*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1998, 14–285. (In Russ.)]

- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к вопросу средневековой традиции в культуре барокко). *Художественный язык Средневековья*, отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 236–249. [Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Echoes of the concept of Moscow as the Third Rome in the ideology of Peter the Great: Medieval tradition in baroque culture. *The Artistic language of the Middle Ages*, ed. Karpushin V. A. Moscow: Nauka, 1982, 236–249. (In Russ.)]
- Люсый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 11. С. 161–171. [Lyusy A. P. The Crimean text in Russian literature: History and the present. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, (11): 161–171. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/taunmz>
- Манн Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя: штрихи к теме. *Москва и «московский текст» русской культуры*, отв. ред. Г. С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 63–81. [Mann Yu. V. Moscow in Gogol's creative consciousness. *Moscow and the Moscow text of Russian culture*, ed. Knabe G. S. Moscow: RSUH, 1998, 63–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzbjod>
- Марков А. В. Синергетический фатализм и ситуативный хронотоп архитектурных образов Елены Шварц. *Творчество и современность*. 2020. № 2. С. 52–58. [Markov A. V. Synergetic fatalism and the situational chronotope of Elena Schwartz architectural images. *Tvorchestvo i sovremennost*, 2020, (2): 52–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rctuvt>
- Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с. [Mednis N. E. *Venice in Russian literature*. Novosibirsk: NSU, 1999, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpywok>
- Романов А. А. Оппозиции пространственного кода в лирике Елены Шварц. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20. № 2. С. 218–222. [Romanov A. A. Oppositions of spatial code in the poems of Elena Schwartz. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, 20(2): 218–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znirry>
- Сидоров С. А. Буддизм: история, каноны, культура. М.: Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2005. 487 с. [Sidorov S. A. *Buddhism: History, canons, and culture*. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia; Astrel; AST, 2005, 487. (In Russ.)]
- Скоропанова И. С. Теософско-антропософский экзистенциализм Елены Шварц. *Аксиологический диапазон русской литературы*, ред. Л. Л. Авдейчик. Мн.: БГУ, 2022. С. 138–148. [Skoropanova I. S. Theosophical and anthroposophical existentialism of Elena Schwartz. *The axiological range of Russian literature*, ed. Avdeichik L. L. Minsk: BSU, 2022, 138–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uumjsh>
- Стрелков А. М., Торчинов Е. А., Монгуш М. В., Рябов С. В. Буддизм. Каноны. История. Искусство. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с. [Strelkov A. M., Torchinov E. A., Mongush M. V., Ryabov S. V. *Buddhism. Canons. History. Art*. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia, 2006, 600. (In Russ.)]
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему). In: Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367. [Toporov V. N. Petersburg and the Petersburg text in Russian literature: Introduction. In: Toporov V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: A mythopoetic study. Selected works*. Moscow: Progress-Kultura, 1995, 259–367. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vkxbqn>
- Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь. СПб.: Амфора, 2002а. 187 с. [Torchinov E. A. *Buddhism: A pocket dictionary*. St. Petersburg: Amfora, 2002a, 187. (In Russ.)]
- Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Акад. проект, 2000. 334 с. [Torchinov E. A. *Introduction to Buddhology: A course of lectures*. St. Petersburg: Akad. proekt, 2000, 334. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vrsdkp>
- Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петерб. востоковедение, 2002b. 320 с. [Torchinov E. A. *Philosophy of Mahayana Buddhism*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2002b, 320. (In Russ.)]
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы. *Сибирский филологический журнал*. 2002. № 1. С. 27–35. [Tyupa V. I. Siberia mythology: To the question of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2002, (1): 27–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ybsllf>

- Уланов М. С. Буддизм в русской культуре конца XIX – первой половины XX века. Элиста: КалмГУ, 2006. 115 с. [Ulanov M. S. *Buddhism in Russian culture of the late XIX – first half of the XX century*. Elista: KalmsU, 2006, 115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rokgyd>
- Шмитт А. Метапоэтическая поэзия Елены Шварц: теория и практика художественного слова. «Вакансия поэта»-2: конф. (Воронеж, 18 мая – 28 ноября 2020 г.) Воронеж: Воронежская областная типография, 2020. С. 106–121. [Schmitt A. The metapoetic poetry of Elena Schwartz: Theory and practice of artistic expression. *Vacancy for a Poet 2: Proc. Conf., Voronezh, 18 May – 28 Nov 2019*. Voronezh: Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, 2020, 106–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uyfrja>
- Шмитт А. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц. *Критика и семиотика*. 2019. № 1. С. 93–107. [Schmitt A. The function of the concepts of EAST and WEST in the poetry of Olga Sedakova and Elena Schwartz. *Kritika i Semiotika*, 2019, (1): 93–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2019-1-93-107>
- Шубинский В. И. Садовник и сад. О поэзии Елены Шварц. *Знамя*. 2001. № 11. С. 200–210. [Shubinskiy V. I. The gardener and the garden. Poetry by Elena Schwartz. *Znamia*, 2001, (11): 200–210. (In Russ.)]